

ГРАНИ

GRANY

51

1962

Postverlagsort: Frankfurt (Main), Mai 1962

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XVII

№ 51

1962 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Дело» Михаила Александровича Нарицы-Нарымова	3
К 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина	13
В. ЖУКОВСКИЙ — Письмо к С. Л. Пушкину	14

ПРОЗА

НИКОЛАЙ ЕЛЕНЕВ — Две сказки: Предводитель собачества. Под Млечным путем	25
К двадцатипятилетию со дня смерти Евг. Замятина	
ЕВГ. ЗАМЯТИН — Ела. (Повесть)	43
ЮРИЙ АННЕНКОВ — Евгений Замятин. (Воспоминания)	60

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

П. ЗАМИР — В арестантском вагоне	97
----------------------------------	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГЕОРГИЙ МЕЙЕР — Свет в ночи. (Опыт медленного чтения)	120
ЭММАНУИЛ РАЙС — Сорокалетие русской поэзии в СССР (окончание)	140
Стихотворное приложение	149

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ГЛЕБ РАР — Первые православные японцы	170
---------------------------------------	-----

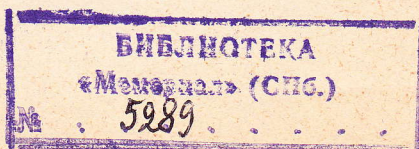
ФИЛОСОФИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА

КАРЛ ЯСПЕРС — Философская автобиография (продолжение)	179
КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ — Современность и будущее (продолжение)	193
В. САВИН — Финансовая система хозрасчета	214

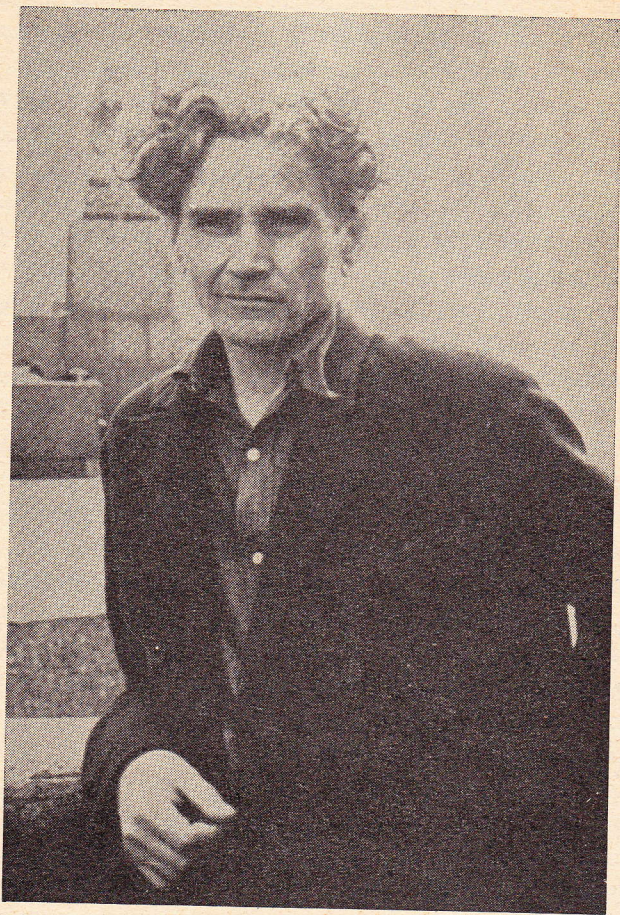
БИБЛИОГРАФИЯ

С. Сокольников. Благодарная память сердца. — Н. Тарасова.	
Луный поэт. — Г. Ш и ш к и н. Дальневосточная трагедия	231
Хронология важнейших событий (июль — декабрь 1961 г.)	240
Обращение издательства «ПОСЕВ»	247

Издательство «Посев»

«Дело» Михаила Александровича Нарицы-Нарымова

М. А. НАРИЦА-НАРЫМОВ

«Дело» писателя и скульптора Михаила Александровича Наричи, роман которого был вывезен из СССР и опубликован в 48 номере нашего журнала под псевдонимом Нарымов, есть *гласная* победа человеческого духа над бесчеловечностью нашей эпохи. О негласных мы и не говорим — они есть, и только ими и держится еще наша земля, как некогда держалась на десяти библейских праведниках.

И вот перед нами стоит человек, жизнь которого представляет собой удивительную противоположность тому, что из нее пытался в течение десятилетий сделать тоталитарный режим в России, поставивший своей целью «расчеловечивание человека».

Страдания без вины виноватого и вопиющая несправедливость власти, швырявшей Михаила Александровича четырнадцать лет из его пятидесятитрехлетней жизни по тюрьмам, концлагерям, поселениям для ссыльных и принудительным работам, не только не сломали его волю и не уничтожили человеческое достоинство, но привели к мощному сосредоточению всех духовных сил и страстной жажде справедливости:

«Вчера долго любовался северным сиянием. Оно было грандиозно! Все снопы света шли к центру, прямо над головой. Небо напоминало гигантский купол, — пишет герой романа «Неспетая песня» Антон своей жене из концлагеря. — Я ходил и думал, что зло не вечно, думал о торжестве справедливости».

Произвол и тупая жестокость власти превратили его не в загнанного в подполье труса, готового каждого продать и предать ради собственного сомнительного благополучия, а в человека, созревшего для мужественного подвига: оставаясь в полной власти государственного произвола, Михаил Александрович Нарича выходит на бой, как Давид с пращей против Голиафа:

«И если Вы серьезно претендуете на роль носителей ума, чести и совести (а к этому Вас обязывает Ваше положение и угроза всеобщей гибели), то примите мой вызов на честную, открытую борьбу в одних вопросах и честное сотрудничество — в других», пишет он в письме к Хрущеву.

Насильственное расчленение семьи и долголетнее систематическое растление ее оборачивается в случае Наричи в потрясающую семейную верность и солидарность. Ни жена, ни дети не оставляли своего мужа и отца в нужде и горе и следовали за ним, деля его участь и любовью питая и поддерживая его. Эта семья — пример органически целого духовного организма, могущего выдерживать любые потрясения и испытания злом и горем. С полным правом пишет Михаил Александрович в том же письме к Хрущеву:

«Моя семья полностью разделяет мои взгляды, помогала мне в работе не только материально, но принимала весьма существенное участие и в творческой работе».

Систематическое истребление творческой мысли привели Наричу к животворному рождению ее и к упорному творческому труду: в продолжение восьми лет, начав в ссылке, работает он над

своим романом «Неспетая песня», стремясь в нем «изобразить не столько истерзанное тело, сколько истерзанную душу; трагедию гения и торжество пошлости, ведущей к гибели всё человечество». (Из письма к Хрущеву). А эпиграфом к своему роману избирает слова Ромэна Роллана: «Трижды убийца — убивающий мысль!..»

Открытое издевательское торжество Зла и опыт государственной преступности приводят Михаила Александровича Наричу к равному отрицанию капитализма и социализма:

«К капитализму я отношусь как к безнравственной и разлагающей системе, но то, что Вы называете социализмом — всего лишь разновидность капитализма».

Его дух устремляется в будущее, с неизбывной российской мечтой о таком государственном строе, который будет держаться не насилием капитала и не насилием над человеческим духом, а на тех справедливых и добрых основах, которые дадут наконец возможность жить людям кротким, добрым и радостным, — «способным быть счастливыми, не делая несчастными других». Эта мысль, на которой оканчивается «Неспетая песня» и которой пронизаны неповторимо прекрасные образы жены Антона Лиды и их маленького сына Приши, глубоко укоренена в Евангельской заповеди блаженства: «Блаженни кротции...»

В дни, когда пишутся эти строки, весь мир узнал и говорит о подвиге этого человека. И то, что тайное стало явным — не меньшее чудо, чем сама жизнь Михаила Александровича. Тот, Кто слил тысячи случайностей и причудливых совпадений таким образом, чтобы никому неизвестный человек вдруг стал известен всем, чтобы людям раскрылась и стала доступной красота его духа — совершил это с целью: перед нами предстала возможность проявить свое добро и свою человеческую солидарность. В судьбе этого человека брезжит и для нас великая надежда на иное — светлое — будущее.

Михаил Александрович Нарича снова заточен в тюрьму, брошен в тюремный сумасшедший дом, ожидает черного суда «при закрытых дверях»... Но это лишь физическое тело его подвергается гонениям Зла. Дух бодрствует и через все преграды — с людьми. И люди — с ним: и студенты, возмущившиеся арестом Наричы и увольнением его сына, и скульптор, принявший тотчас его сына к себе на работу, и адвокат, бесстрашно взявшийся за опасное дело защиты мужественного человека. А за всеми этими людьми, пробужденными к достойной жизни подвигом Михаила Александровича, встают в утреннем рассеивающемся тумане величественные контуры новой России...

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В ПАРИЖЕ

В четверг, 15 марта 1962 года, в 3 часа дня, в Париже, в отеле Палэ д'Орсей, редакция журнала «ГРАНИ» дала пресс-конференцию представителям парижской и иностранной прессы, посвященную «делу» писателя и скульптора Михаила Александровича Нарницы (литературный псевдоним в Граниях — Нарымов). На пресс-конференции присутствовало двадцать журналистов, представляющих работников агентств печати — «Юнайтед пресс интернейшил», «Дейтше прессе агентур», «Франс пресс»; газет — «Фигаро», «Фигаро литерер», «Ле монд», «Орор», «Паризьен либере» (Франция), «Санди телеграф» (Англия), «Де телеграфраф» (Голландия); радио «Голос Америки», «Свобода», «Голос Израиля»; представители печати политической эмиграции из стран, поработивших коммунизмом, и другие. Председательствовал на пресс-конференции проф. Парижского университета И. Г. Трэн, в президиуме находились редактор журнала «ГРАНИ» Н. Б. Тарасова и сотрудник журнала Э. М. Райс. В своем вступлении проф. Трэн изложил суть «дела» М. А. Нарницы и охарактеризовал профиль журнала «ГРАНИ». Н. Тарасова и Э. Райс отвечали на вопросы работников печати и радио.

МАТЕРИАЛЫ, ОГЛАШЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА «ГРАНИ» НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Писатель М. А. Нарница, закончивший свою повесть «Неспетая песня» в начале 1960 года, искал пути для пересылки ее за границу.

В августе 1960 года М. А. Нарница в Эрмитаже, в Ленинграде, смешавшись с толпой иностранных туристов, вложил в руки одной француженки рукопись в конверте, на котором на нескольких европейских языках была написана просьба увезти рукопись за границу. Француженка испугалась и бросила пакет на пол.

Инцидент повлек за собой то, что и писатель М. А. Нарница и француженка оказались в милиции. Однако француженка — к ее чести — на допросе в милиции отказалась подтвердить, что человеком, передавшим ей рукопись, был М. А. Нарница, и заявила, что пакет передал ей кто-то другой. М. А. Нарница, в свою очередь, отрицал, что он что-либо передавал француженке. М. А. Нарница был отпущен.

В августе-сентябре 1960 года М. А. Нарница сделал еще не-

сколько попыток переслать рукопись за границу и, видимо, уверился, что они увенчались успехом.

После этого, в сентябре 1960 года, он направил второй экземпляр рукописи Хрущеву с сопроводительным письмом. В этом письме писатель мужественно поднял голос в защиту свободы творчества, бесстрашно обличал тоталитарные коммунистические порядки.

Ответа от Хрущева не последовало. Тогда М. А. Нарница и члены его семьи подали прошение в Верховный Совет СССР с просьбой освободить их от советского гражданства и разрешить выехать на Запад, в ту страну, которая готова была бы их принять. В этом прошении говорилось, что на Западе «существует относительная свобода» для художников, тогда как в Советском Союзе ее вообще нет.

В мае 1961 года всю семью М. А. Нарницы вызвали на допрос и спросили, что они имели в виду, подавая такое прошение. Они настаивали на своем желании покинуть СССР и повторили, что в Советском Союзе нет свободы для художников. Тогда им было заявлено, что прошение не может быть рассмотрено, пока к нему не приложен гербовый сбор в размере 250 новых рублей (50 рублей за каждого члена семьи М. А. Нарницы). Таких средств у них не было, и вопрос с прошением остался открытым.

Что касается судьбы рукописи повести «Неспетая песня», пересланной М. А. Нарницей за границу, то она в феврале 1961 года попала через проф. К. Менерта в редакцию журнала «Грани» и была опубликована в № 48, вышедшем в конце июля 1961 года.

Хотя редакции «Граней» и было известно от самого автора его имя, она опубликовала повесть под псевдонимом М. Нарымов, так как не знала тогда, что М. А. Нарница выступил с открытым забралом, послав экземпляры рукописи и письмо Хрущеву.

В июле 1961 года редакция «Граней» получила второй экземпляр рукописи «Неспетая песня», вывезенный из СССР другим человеком.

По полученным из Ленинграда сведениям, М. А. Нарница был арестован органами КГБ 13 октября 1961 года. Его жена и сын подверглись допросу.

При аресте был сделан обыск, во время которого были найдены еще два экземпляра рукописи. Ни М. А. Нарница, ни члены его семьи в это время не знали, что рукопись уже опубликована.

Теперь М. А. Нарница знает, что его роман увидел свет. По его словам, этим достигнута цель его жизни. Он считает, что моральным долгом каждого автора является открытая защита

своих убеждений, даже в ущерб благополучию его самого и его близких.

Редакции «Граней» неизвестно, состоялся ли уже суд над М. А. Наричей. Но ей известно, что среди ленинградских адвокатов нашлись желающие защищать писателя. Один из них и перенял дело.

В середине декабря 1961 года следственные власти сделали попытку объявить М. А. Наричу умалишенным и перевели его в тюремную больницу, где, по существующему законодательству, могли держать его лишь в течение трех недель.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ

Михаил Александрович Нарича родился в Псковской губернии в 1909 году. В свои детские годы он потерял отца, которого очень любил. Мать вторично вышла замуж. Из протеста М. А. Нарича покинул родительский дом и жил у тетки, а затем в детском доме.

С юношеских лет у М. А. Наричи появилась большая тяга к искусству, в частности, к скульптуре, и он поступил в художественный техникум в Ленинграде. После окончания техникума год преподавал в нем. В 1933 году женился на ленинградской студентке и переселился с нею в Архангельск. Через год они вернулись в Ленинград, где у них родился сын — Федор. В 1935 году М. А. Нарича был принят в Академию художеств в Ленинграде. В это время в стране проходила волна арестов, которая коснулась также М. А. Наричи. Он был арестован в 1935 году и после шести месяцев одиночного заключения был приговорен к пяти годам концлагеря (ИТЛ), которые отбыл в Ухто-Печорском лагере.

Жена, теща и ребенок были также репрессированы: высланы на Север. Устроиться на работу по месту ссылки жена М. А. Наричи не могла. Распродав все, что у нее было, семья его стала голодать. Тогда жена его направила письмо Вышинскому, с просьбой предоставить ей работу для прокормления семьи или же отправить их в концлагерь. В результате уполномоченный НКВД по району направил ее на работу счетоводом на лесозаготовительный пункт.

В 1940 году М. А. Нарича вышел из концлагеря и, несмотря на очень плохое состояние здоровья, был сразу отправлен, как бывший заключенный, в рабочий батальон. Через 6 месяцев М. А.

Нарица по инвалидности был отпущен и подвергся операции язвы желудка.

В 1941 году, когда М. А. Нарича с семьей проживал в колхозе под Архангельском, у него родился сын Петр.

В 1948 году власти выселили из Архангельской области всех бывших в заключении по статье 58 У. К. РСФСР (политическая антисоветская деятельность). М. А. Нарича с семьей переселился в город Луту. В 1949 году во время «ждановщины» М. А. Нарича был снова арестован и пробыл год в тюрьме. После этого его отправили на принудительное поселение в Караганду, куда за ним переехала и семья.

С 1954 года открылась возможность добиться реабилитации. Однако М. А. Нарича долго отказывался подавать соответствующее прошение, рассматривая его как унижение перед властью. Прошение он подал только по настоянию жены и был реабилитирован в 1957 году.

После реабилитации М. А. Нариче удалось добиться разрешения вернуться в Ленинград и даже получить комнату в коммунальной квартире. Его снова приняли в Академию художеств. Старший сын Федор в эти годы находился на Севере, где кончил медицинский вуз и обзавелся семьей.

Свою повесть М. А. Нарича писал 8 лет и закончил ее в начале 1960 года.

Сын М. А. Наричы — Петр, который до ареста отца работал в качестве натурщика в Академии художеств, был уволен скульптором, которому он позировал. Многие студенты Академии были возмущены этим, но нашелся другой художник, который дал ему работу. Арест отца так подействовал на сына, что он пытался покончить жизнь самоубийством, приняв веронал. Его доставили в больницу и, несмотря на критическое положение, спасли.

ПИСЬМО М. А. НАРИЦЫ-НАРЫМОВА ХРУЩЕВУ

Никита Сергеевич, в начале августа я был задержан в Эрмитаже тайными сотрудниками государственных органов... после передачи рукописи моего романа «Неспетая песня» одному из членов французской делегации, приехавшей из Парижа в автобусе. В этом экземпляре рукописи, брошенной перепуганной француженкой на пол (её также задержали), не было моей фамилии, так как я не был уверен в успехе передачи пакета этой делегации. Это

дало мне возможность временно отрицать свое авторство. (На то, чтобы так поступить, у меня были некоторые соображения).

У меня есть теперь основания быть спокойным за судьбу своего романа. Возможно, Вы еще не читали его. Я высылаю Вам в этом конверте один экземпляр, который немного более отредактирован и не вполне совпадает с тем, который я неудачно передал...

Вам невозможно обвинять меня в клевете на советскую действительность. Она у меня несколько облагорожена, ибо «литературе слишком присуще чувство меры и приличия, чтобы она могла взять на себя задачу с точностью воспроизвести карикатуру действительности» (Салтыков-Щедрин). Да и задачей своей я поставил изобразить не столько истерзанное тело, сколько истерзанную душу; трагедию гения и торжество пошлости, ведущей к гибели всё человечество. Я показал ничтожность идей, разъединяющих государства, и ничтожность интересов, толкающих мир к последней войне: после нее уже некому будет воевать, некому будет жить. К капитализму я отношусь как к безнравственной и разлагающей системе, но то, что Вы называете социализмом — всего лишь разновидность капитализма.

Пытался ли я печатать свои произведения в нашей стране? Да, я делал такую попытку с более безобидным по содержанию произведением, и безуспешно.

Разумеется, я не думаю, что «заправила капиталистического мира» ухватятся за мой роман с большим удовольствием, но там есть хоть некоторая свобода для умственной деятельности...

У нас художникам не разрешается самостоятельно мыслить, им разрешается только пользоваться готовыми формулами казенного мышления. Отсюда у нас такое чудовищное однообразие и в журналистике и в искусстве, отсюда в искусстве истинная эмоциональность заменена притворством, отсюда ничтожность идей («мелкотемье»), пустословие, поверхностное репортёрство. Поэтому художники бессильны что-либо сделать кроме поверхностных и посредственных иллюстраций к истории партии.

Неужели Вы сами не видите, что в прославленном произведении прославленного писателя, в «Поднятой целине» не изображе-

но ни одного умного человека, нет ни одной стоящей мысли, что наша вся заполнена «дешевым балаганным вздором»?

Кто-то из вас говорил, что нам нужны свои щедрины и гоголи. Это пустые слова! Вы сами недавно ратовали за «лакировщиков». Я понял Ваши слова так: не ваше, мол, дело, писатели, совать свой нос в наши ошибки и промахи; мы и сами покритикуем себя, как нам это заблагорассудится.

Меня скорее можно упрекнуть в приглаживании действительности, чем в сгущении красок. Всё дело в том, что я мыслю иначе, чем это разрешается государственным стандартом. Однако Вы претендуете на то, чтобы вашу страну называли подлинно свободной и даже считаете себя (свою партию) умом, совестью и честью нашей эпохи. А настоящий ум не боится контакта с другими умами. Только в атмосфере честной и открытой борьбы и открытого заимствования здоровых элементов в чужих взглядах и могут развиваться передовые идеи. А настоящая совесть!.. Может ли она свободному взаимодействию идей мешать силой оружия, шантажом или хитростью?!

И если Вы серьезно претендуете на роль носителей ума, чести и совести (а к этому Вас обязывает ваше положение и угроза всеобщей гибели), то примите мой вызов на честную, открытую борьбу в одних вопросах и честное сотрудничество — в других.

Одним из способов недостойной борьбы является клевета: зачем говорить, что мы не можем напечатать ваш роман по политическим соображениям (а где же тогда свобода!), гораздо выгоднее сказать, что роман слаб и не заслуживает внимания народа и материальных затрат на его издание. Если Вы унизите себя до того, что пойдете этим путем, то я могу избавить Вас от материальных затрат; народ же пусть сам решит, что стоит его внимания. Разрешите мне только свободно общаться с народом, не окружая меня тучей шпионов и провокаторов. Если же и это окажется Вам не по силам, то по крайней мере отпустите меня вместе со всей семьей на все четыре стороны.

Разумеется, я не считаю допустимым насильственное разлучение меня с семьей, ибо такое обращение с людьми характеризует нравы отживших «формаций». Моя семья полностью разде-

ляет мои взгляды, помогала мне в работе не только материально, но принимала весьма существенное участие и в творческой работе.

Не знаю, насколько трудно Вам расстаться с нами, но мы все без всякого сожаления лишились бы всех благ социализма, хотя и не ждем рая для себя в других странах.

Дописано от руки:

Сентябрь 1960 года

Получено почтовое уведомление о том, что пакет поступил 29 сент. 1961 года в секретариат Хрущева.

К деятелям культуры свободного мира

Редакция русского литературного журнала «Грани», издающегося во Франкфурте-на-Майне, обращается к вам по делу советского писателя М. А. Нарницы, которое было предано гласности на состоявшейся сегодня в Париже пресс-конференции.

М. А. Нарница арестован органами КГБ в Ленинграде после того, как передал за границу свою повесть «Неспетая песня», которая была опубликована в нашем журнале. Вся жизнь М. А. Нарницы является свидетельством борьбы художника за свободу творчества, и не случайно он поставил эпиграфом к своей повести изречение из Ромена Роллана: «Трижды убийца — убивающий мысль».

После высылки рукописи за границу М. А. Нарница переслал один ее экземпляр Хрущеву, приложив письмо, которое выражало его жизненное кредо. Вместе со своей семьей он заявил об отказе от советского гражданства и просил советское правительство выпустить его за границу.

Редакция призывает вас протестовать против незаконного ареста М. А. Нарницы и просить дать ему возможность выехать с семьей за границу. Преследование М. А. Нарницы — явное нарушение подписанной советским правительством Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 года.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ГРАНИ»

15 марта 1962 года

ДОРОГОЙ ДРУГ И ЧИТАТЕЛЬ!

Журнал «Гр а н и» издается не только для эмиграции, но и для России. Доля тиража, распространяющаяся у нас на Родине (конечно, бесплатно), всё возрастает. Продажа журнала зарубежным читателям и подписчикам не может окупить наших расходов на «Гр а н и». Редакция обращается поэтому к друзьям-читателям с просьбой: ПОМОЧЬ ЖУРНАЛУ ПОСИЛЬНЫМИ ПОЖЕРТВОВАНИЯМИ.

Список пожертвований на «Гр а н и», с выражением благодарности оказавшим помощь друзьям, помещаем ниже:

Константин Васильевич Болдырев	20 долл.
Владимир Иванович Бондаренко	20 »
Д-р. Валентина Ивановна Булюбаи	30 »
Иван Афанасьевич Буркин	20 »
Сергей Львович Голлербах	10 »
Парфений Павлович Заворотнов	20 »
Николай Евгеньевич Кузнецов	5 »
Борис Анатольевич Нарциссов	20 »
Ирина Леонидовна Сагатова	15 »
Иван Михайлович Суханов	2 »
Борис Андреевич Филиппов	20 »

Copyright by „Possev“

Главный редактор Н. Б. Тарасова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, Б. А. Нарциссов, А. Н. Неймирок, А. И. Поплюйко,
В. Д. Самарин, Б. А. Филиппов.

Адрес редакции журнала «Гр а н и»:

Grany c/o Possev-Verlag, Frankfurt/M., Schließfach 2786

Условия подписки на «Гр а н и»: Цена отдельного номера 6 НМ

Подписка на четыре номера — 20 НМ.

Druck: Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

09.03

Цена 6 марок (6 DM)